

История философии

28. Подведение итогов революции Оккама.

Доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Итак , прежде всего , об Оккаме. Мы уже сделали две вещи с Оккамом, чтобы вы понимали, чем занимались. В понедельник я кратко представил Оккама как своего рода крайнего номиналиста, который отвергал классическую теорию универсалий, переданную Платоном и Аристотелем и развитую в теистическом ключе такими людьми, как Фома Аквинский.

В среду, когда с нами был Даллас Уиллард из Университета Южной Калифорнии, он довольно подробно рассказал о мышлении Оккама. И я думаю, что картина начала проясняться, и вы, возможно, захотите продолжить обсуждение на эту тему. Но сейчас я хочу подвести итог и вернуться к тому разграничению, с которого мы начали, когда рассматривали проблемы средневековой философии, а именно к различию между реалистической теорией универсалий, концептуалистским взглядом Абеяра, номиналистским взглядом Розалинды и самим Оккамом.

Возможно, вы заметили, что в среду Уиллард предположил, что Оккам в этом ряду ближе всего к концептуализму Абеяра, тогда как я в понедельник предположил, что он ближе всего к номинализму Розалинды. Почему такое расхождение во мнениях , если мы говорим об одном и том же человеке и одних и тех же материалах? И я думаю, ответ кроется в этом сопоставлении различий, которое вы здесь приводите. Выделите три вопроса об универсалиях, вопросы, которые в литературе часто формулируются с учетом их связи с частными вещами, с конкретной вещью .

Раса. Существуют ли универсалии *ante rem*, предшествующие частному? Существуют ли универсалии *in rem*, в частных случаях? И существуют ли универсалии, в некотором смысле, *after rem*, после частных случаев? И очевидно, что первое связано с универсалиями как примерами в разуме Бога. Взгляд, согласно которому вечный трансцендентный статус форм не является, как считал Платон, независимой областью вечных сущностей, а скорее, как учила философски развитая доктрина Логоса, а именно, что универсалии — это идеи в разуме Бога, в соответствии с которыми Он создает вечную мудрость Божьего замысла, эти архетипические принципы.

Иными словами, идеи Бога — это идеи, применимые к универсальным классам. Сущность вида, природа рода, сущность определенных универсальных видов качеств и отношений, таких как равенство, и так далее. Следовательно, знание Бога — это знание универсальных примеров.

Что касается этого вопроса, то реализм Августина, Бонавентуры, Фомы Аквинского и других однозначно отвечает утвердительно. И они сохраняют тот самый августиновский примерный подход, как мы его называем. На это концептуалист Абельяр также отвечает утвердительно.

У Бога есть определенные примеры универсальных вещей. Но именно в этом Оккам и Абельяр расходятся во мнениях. Почему? Потому что, если Абельяр говорит «да», то Розалинда говорит «нет», и, по сути, Оккам говорит «нет».

Хотя Оккам и задается вопросом о замыслах Бога, о том, как Бог познает свои творения, понимаете? И ответ таков: замыслы Бога — это не замыслы универсалий, а замыслы частных. Это не вечные архетипы в разуме Бога.

Это идеи, которые Бог создал. Это идеи, которые Он придумал. Бог пожелал обдумать именно это, именно то.

Странно, хотя Давид вскоре может стать таким, но Бог, видите ли, пожелал думать о нем как об идее, прежде всего, в разуме Божьем. Идеи частных Он пожелает, и я сказал «пожелает», а не «может», чтобы подчеркнуть волюнтаризм, то есть Он пожелает создать или не пожелает создать. Таким образом, у Бога есть идеи самых разных частных, некоторые из которых Он создает, а некоторые — нет.

В конце концов, Бог вполне мог бы хорошо относиться к моей дочери, если бы у меня её не было. У меня есть сыновья. Видите ли, Он не пожелал их создавать.

Но Бог может мыслить подобным образом в конкретных терминах. Я же могу делать это лишь с большой долей фантазии или, наоборот, без фантазии, в зависимости от обстоятельств. Итак, что касается первого вопроса, Оккам, как я собирался сказать, является индивидуалистом.

Он отличается от всех остальных. Я не хотел, чтобы слово «индивидуалист» было игрой слов. В конце концов, он индивидуалист, в другом смысле этого слова.

Итак, существуют ли формы, универсальные принципы, которые действительно существуют в частных случаях? Это второй вопрос. И, очевидно, на него отвечает реалист. Вот почему его и называют реалистом.

А с остальными согласны: нет. Нет. А как насчет пост-перума? Существуют ли универсальные понятия, которые мы придерживаемся в своем мышлении? Универсальные идеи, которые мы имеем в отрыве от размышлений о том или ином конкретном? Что, в современную эпоху, стали называть абстрактными общими идеями? Существуют ли такие? На это реалист отвечает: да.

Если он платонический, то познает их посредством диалектики. Если же он аристотелевский, то познает их посредством интуитивной абстракции из опыта существования вида. Концептуалист же скажет: подождите-ка.

Концептуалист говорит «да». Нет, подождите минутку. Я работаю не над той колонкой.

Концептуалист говорит «да». Концептуалист говорит «да». Вот почему его называют концептуалистом.

Существуют универсальные понятия, но не универсальные сущности. И номиналист ясно говорит, что нет. Мы мыслим только частными вещами.

А что насчет Оккама? Ну, в каком-то смысле, и да, и нет. Он снова индивидуалист. Видите ли, согласно Оккаму, в нашем сознании нет универсальных понятий, понятий абстрактных универсалий.

Но существуют универсальные термины. Вот почему его называют терминистом. Терминизм, универсальные термины.

Главный вопрос для Оккама заключается в том, каково отношение универсального термина к частным понятиям, которые он обозначает? Именно здесь Оккам придерживался двух разных точек зрения. В сборнике вы найдете обсуждение его первой позиции, а затем второй. Первая позиция, кажется, рассматривает термин как идею.

Это термин в том смысле, что это начальная точка нашего мышления. Это идея, которая у вас в голове. Это термин в вашем мышлении.

Вы рассматриваете это в контексте этой идеи. Но он настаивает на том, что это конкретный термин. То есть это будет конкретная идея, как мысленный образ.

Итак, если использовать этот термин, то вы представляете себе человеческую природу как конкретный пример человека. Однако он не совсем доволен этим.

И он меняет свою позицию. Он ею недоволен, потому что, похоже, идея в таком случае представляет собой нечто промежуточное между разумом и вещью. А ему нужна более прямая точка отсчета.

Таким образом, он начинает рассматривать этот термин как умственный акт, а не как идею. Это акт, посредством которого происходит отсылка, понимаете ? Я использую слово «человек», и оно относится ко всем людям, включая Тома, Дика и Гарри, Мэри, Джейн, Салли, понимаете ? Это конкретный термин,

который в процессе мышления используется с универсальным смыслом, хорошо? Конкретный термин, используемый с универсальным смыслом. Теперь, единственное уточнение, которое мне нужно сделать относительно терминов « первичное намерение » и « вторичное намерение ».

Я упомянул об этом, потому что Уиллард говорил о вторичном намерении, об идеях вторичного намерения. Но Оккам имеет в виду концепцию намерения или интенциональности, подобную той, которую впервые разработал Дунс Скот. Вы помните, мы упоминали об этом в прошлый раз.

Как волюнтарист, Дунс Скот рассматривал акт познания как добровольный. Понимаете, чтобы подумать о чём-то, требуется акт воли ? Акт воли, посредством которого вы ссылаетесь на что-то, понимаете ?
Интенциональность. У Оккама же это развитие данной концепции, так что первичным намерением в познании является отсылка к конкретному объекту .

В этом и заключается основное намерение — отсылка к конкретному объекту . Что вы знаете? Ну, я знаю такой-то-то-то-то-то-то-то-то-то, конкретные объекты. Но, конечно, при знании учитывается и второстепенный фактор, а именно термин.

Это касается того, как вы мыслите об объекте. А это объект вторичного намерения. Поэтому я думаю о своей жене, представляя её в контексте её прекрасного лица.

Честно говоря, в эти выходные я думаю о своей жене, о её дне рождения. Только что зашёл в книжный магазин, чтобы купить ей поздравительную открытку. Оказалось, что открыток для жён там нет .

Специально для мам. Я нашел две поздравительные открытки для жены. Одна из них — та, которую я подарил ей в прошлом году.

Другой просто сказал: «На твой день рождения я дарю тебе эти несколько слов. Открой. Пойдем поедим».

И я решил, что нет, ни то, ни другое. Но я имею в виду свою жену именно в таком ключе. Ну, это безумный пример.

Но это иллюстрирует тот факт, что человек думает о чем-то конкретном , что является основным объектом мысли, в терминах того, этого и другого. Таким образом, существуют первичные и вторичные намерения. Хорошо, вот такая картина, на мой взгляд, проясняет положение Оккама по отношению к средневековым мыслителям.

И вы начинаете понимать, какая революция здесь происходит. Позвольте мне выразиться так: Оккам переходит к чистому эмпиризму, который утверждает, что мы можем иметь дело только с частными явлениями, которые мы переживаем.

Во-вторых, он порывает со средневековым мировоззрением, его телеологией, его взглядом на формальные и конечные причины, на всё сотворенное и ориентированное на природу. Он порывает с этим и в итоге останется с чисто механистическим мировоззрением, соответствующим механистической науке XVII и XVIII веков, — просто материя и действенные причины, силы. К абстрактным идеям и универсальным принципам он относится несколько скептически.

И этот скептицизм оказывается весьма заразительным. Он не находит никаких оснований, никаких метафизических оснований, для объективного порядка вещей в творении, для иерархии бытия. Для этого нет никаких метафизических оснований.

Всё так, как есть, и то, как всё взаимосвязано, таково просто потому, что так решил Бог. Всё это случайность. И из-за случайности творения и порядка творения не может существовать этики, основанной на естественных законах.

И мы возвращаемся к своего рода волюнтаристскому подходу, где то, что хорошо, что правильно, зависит не от присущей вещам сущности в соответствии с их местом в иерархии, а скорее от случайного способа, которым Бог их создал, и, соответственно, от божественного повеления, на котором они основаны. Таким образом, он делает акцент на библейском повелении, каким бы оно ни было, в отношении конкретных вещей. А кроме того, он апеллирует к тому, что называет здравым смыслом.

Правильный разум — это наше размышление над опытом случайных событий творения. То есть это просто наш эмпирический способ увидеть, что, казалось бы, лучше всего в таком случайном творении, своего рода консеквенциалистский подход. Да? В чём разница между правильным разумом и естественным правом? Да, ну, естественное право отличается от естественного права тем, что имеет метафизическую основу.

Но, похоже, Оккаму необходима какая-то онтология, потому что то, что он говорит, предполагает некоторое понимание природы бытия. Да. Разберитесь в разнице между случайным и необходимым.

Видите ли, теория естественного права у Фомы Аквинского основана на необходимой природе всей иерархии бытия, в которой нет пробелов между уровнями бытия, но всё в отдельности и во взаимосвязанном единстве

способствует благу. Оккам не может этого утверждать. Единственное, что может сказать Оккам, это то, что Бог создал мир таким, какой он есть, чтобы он делал то, что Он ему повелел.

Вы увидите. И, следовательно, согласно законам природы, моральное обязательство не может измениться. А вот при наличии веских доводов могут измениться обстоятельства.

Да, да. Он открывает дверь утилитаризму. И я думаю, кто-то поднимал этот вопрос, когда Уиллард был здесь в среду.

Ты. Я слышал голос оттуда. Я не мог разглядеть, кто это.

Да, я думаю, вы совершенно правы в этом отношении. Это открывает новые возможности. И Оккам, и Скот обсуждали одни и те же возможности, а именно, что Десять заповедей традиционно рассматривались как пример естественного права, поскольку они коренятся в природе вещей.

Оккам считает последние семь из них, касающиеся случайности творения, изменчивыми. Видите ли, как Бог мог сказать Аврааму принести в жертву своего сына Исаака, сказать Осии жениться на блуднице и так далее? Ну, Бог есть Бог, не так ли? Что является основой морали, если не то, что говорит вам Бог? Так что это оставляет много вопросов открытыми. Хотя не стоит ожидать, что все изменится так быстро.

Он не является сторонником ситуационной этики, как Джозеф Флетчер, который умер на прошлой неделе, — старый сторонник ситуационной этики. У меня есть вопрос о вторичном намерении Оккама. Да.

И вы привели пример, что о своей жене можно думать, исходя из её красивого лица или чего-то подобного. Кажется, использование подобной терминологии подразумевает, что для применения этого термина необходимо иметь какое-то представление или форму красоты. Да.

Видите ли, он не говорит, что у нас нет идей. Он говорит, что универсальным ориентиром является термин. Понимаете, если термин — это акт отсылки, то когда я говорю о классе вещей, об учениках Уидона, акт отсылки относится ко всем ученикам Уидона, понимаете? И именно термин имеет этот универсальный ориентир, конкретный термин с универсальным ориентиром.

В то же время у вас будут и идеи. И здесь присутствует вторичное намерение. Но первичное намерение — это намерение класса частных случаев, когда вы используете общие термины.

Я понимаю, когда вы говорите об использовании групп терминов, таких как класс, единица, потому что все это осязаемые вещи. Однако, когда вы используете такие понятия, как красота, справедливость и тому подобное, хотя я понимаю, как их можно объединить в целую группу, кажется, что они должны иметь какой-то метод, что-то выходящее за рамки общего. Да, видите ли, когда я говорю о красоте, которая звучит как абстрактная общая идея, Оккам сказал бы, что я использую это слово в отношении множества частных вещей .

И я назову вам несколько примеров, если вы меня спросите. Лицо моей жены — это что? Картина Моне — ещё один пример. Пикассо из Чикаго — третий .

Да, я действительно считаю, что это прекрасно, картина Пикассо из Чикаго. Я странный? Ну, ладно, вот мои примеры. Видите ? Я использую это слово в отношении вещей.

Вот как бы он это сформулировал. Сказал бы он, что это индивидуально для каждого человека? Или он сказал бы, что есть способ сказать, что картина Моне выглядит лучше, чем картина Моне? Ну, если нет никаких универсальных правил, то классификация вещей сводится к тому, кто это делает. Да, да, именно так всё и работает.

И я не знаю, как он это формулирует, но в процессе изучения языка мы изначально не различаем имена собственные и нарицательные существительные. Для маленького ребенка, который учится говорить, типично называть других женщин «другими мамами», других мужчин — «другими папами» или как-то еще, понимаете? И постепенно приходит понимание, что определенный термин имеет либо одну единственную референтную единицу, либо целый класс референтных единиц. Да, сэр? Как это объяснить, как можно объяснить, что термин обозначает одно и то же для целого класса вещей, один и тот же класс для множества разных людей, которые все являются индивидуумами? Точно так же, как и тот факт, что язык — это социальное явление.

При желании вы можете выработать свой собственный язык. И часто люди, живущие в близких отношениях, создают свой собственный, уникальный язык. Они придумывают слова, которые являются их особым, приватным способом общения.

Но, по сути, язык — это функция сообщества, общества. И я думаю, доктор Вуд говорил об этом, но я не совсем понял. Что же тогда в монаде люди понимают, что все они могут привязаться к языку? Да.

Итак, вы спрашиваете, каковы признаки красоты? В приведенных мною примерах я имел в виду чувственную привлекательность, приятную на ощупь.

Но я думаю, что дело не только в этом. Чувственная привлекательность может проявляться в цветах, звуках или формах.

Термин «красота» может представлять собой просто сочетание множества различных качеств. Да. Позвольте мне упомянуть только те качества, которые привлекательны с точки зрения чувств.

Карл? Почему доктор Уиллард так подчеркнул... Я запутался. Да. Ну, я так понимаю, он сделал акцент на этом месте, которое находится где-то посередине между этими двумя. И, честно говоря, я был немного удивлен, когда он это сказал, потому что в разговоре, когда я заранее говорил ему, что мы провели это различие между двумя позициями, он сказал: «Да, и я думаю, что вторая позиция — это правильный путь».

Что, как мне кажется, приближает Оккама скорее к номинализму, чем к концептуализму. Но по какой-то причине он видел это иначе. И я думаю, что именно Штумпф придерживается такого же подхода, не так ли? Это Штумпф так считает, или кто-то другой, кого я читал? В любом случае.

Хорошо. Давайте оставим это и перейдем ко второму типу тем, которые мы хотим обсудить в связи с переходом к современности. И чтобы начать, позвольте мне подойти к этой стороне доски и вернуться к картине, которую мы постепенно рисовали, прослеживая историю западной мысли.

Иными словами, на протяжении всей истории мы наблюдаем множество различных мировоззренческих традиций. Множество мировоззренческих традиций. Если хотите, философский натурализм, объясняющий всё с точки зрения физических процессов.

Какой-то вид идеализма или пантеизма, как в неоплатонической традиции. И теизм, будь то христианский, иудейский или мусульманский. Различные мировоззренческие традиции.

И мы заметили, что еще одним важным фактором в ходе истории является изменение концептуальных моделей, заимствованных из современной науки. По сути, до сих пор мы отслеживали лишь то, как греческая наука, представленная платоновской, пифагорейской и аристотелевской науками с их теориями форм, как эти греческие науки способствовали формированию философской работы во всех этих традициях. Хотя, надо признать, на данном этапе это гораздо более очевидно в идеалистическом и теистическом направлениях, чем в натуралистическом.

Если вам нужна точка отсчета в натурализме, вам, я полагаю, придется обратиться либо к Демокриту, либо к эпикурейцам, либо к стоикам. Натуралистам. Нет, стоики — это своего рода натуралистические пантеисты.

Ну, а теперь подобная система рушится. В этом и заключается одна из революционных особенностей Оккама. Понимаете?

Потому что отказ от реалистических теорий форм означает: нет, мы не хотим с ними работать. И сейчас происходит научная революция. Но она происходит прежде всего на философском уровне, в плане внутреннего разрушения схоластической философии, представленной Оккамом.

А Оккам — это XIV век. В это время зародились единственные, самые примитивные эмпирические исследования, которые привели к появлению механистической науки. Понимаете?

В конце концов, Ньютон — XVII века, Галилей — XVI века. Но помимо философского раскола, назревает и сама научная революция.

Комментарии по этому поводу вы найдете у Штумпфа, на которые вам стоит обратить внимание. Нам не нужно углубляться в это. Разве что еще раз подчеркнуть, что основные идеи сводятся к идее движения материи.

Разговор о движущейся материи вызывает в памяти два других понятия. Первое — это понятие абсолютного пространства. То есть, равномерного пространства, бесконечного во всех направлениях.

Абсолютное пространство. В котором может двигаться материя. Но также и время.

Равномерный и бесконечный промежуток времени, в течение которого происходит изменение движения. Таким образом, у вас есть четыре ключевых понятия. Материя, силы, которые производят движение.

Абсолютное пространство. Абсолютное время. И, конечно же, если вернуться к греческой модели, это означает отказ от формальных и конечных причин, сохранение только материальных и действенных причин.

Однако будьте осторожны, не делайте поспешных выводов и не утверждайте, что новая наука была полностью эмпирической. Дело в том, что мы будем рассматривать два разных научных и философских движения современности. Одно из них — это, по сути, эмпирическая традиция, а другое, более математически ориентированное, — рационалистическая традиция.

С эпистемологической точки зрения. Эмпирическая традиция начинается с Бэкона. Фрэнсиса Бэкона.

Канцлер, не канцлер Англии, а государственный деятель времен Елизаветы I и Якова I. Фрэнсис Бэкон. Томас Гоббс времен английской гражданской войны.

Политический мыслитель. Джон Локк, Джордж Беркли и Дэвид Юм. Именно Бэкон первым ввел индуктивные методы.

Сформулировал эти индуктивные методы. За исключением того, что, что интересно, существуют их предвосхищения, которые сформулировал Уильям Оккам, и Бэкон, похоже, в некотором смысле обязан им. Это, как вы заметите, в основном британский подход.

Бэкон, Локк, Беркли, ирландцы, Юм, шотландцы. Поэтому я говорю «британский», а не «английский». Так что это иногда называют британским эмпиризмом.

С другой стороны, есть Декарт, Спиноза и Лейбниц. Декарт — француз. Спиноза — испанский еврей, живший в Нидерландах.

Лейбниц, немецкий государственный деятель, проживавший во французском Орлеане. И это, очевидно, выходцы из континентальной Европы, поэтому это иногда называют континентальным рационализмом. Что ж, британская традиция, видите ли, находится под влиянием индуктивных методов Бэкона, которые и положили начало этому направлению.

Континентальная традиция находится под влиянием математических методов Декарта, который положил ей начало. И происходит следующее: по мере того, как эти две традиции сталкиваются с различными проблемами, некоторые из которых были намечены Уиллардом в среду вечером, возникает попытка необычным образом объединить их в работе Иммануила Канта «Критика чистого разума», 1781 год.

Важная дата. Таким образом, в XIX веке мы имеем две совершенно разные традиции. Немецкий идеализм проявляется в таких людях, как Гегель.

И вы обнаружите британский и франко-немецкий позитивизм в работах таких людей, как Джон Стюарт Милль. А в XX веке это, в значительной степени, продолжение эмпирической традиции в англо-американской философии и в значительной степени продолжение континентальной традиции, по-прежнему присущей континентальной философии. Дальнейшее развитие от этих истоков.

Теперь, в оставшейся части семестра мы будем изучать период примерно до 1800 года. Таким образом, это Бэкон, Гоббс, Локк, Беркли и Юм. Я сказал Локк, Беркли, Юм? Ой.

Бэкон и Гоббс, Декарт, Спиноза, Лейбниц. Итого примерно до 1700 года. Я сказал 1800? Ой, опять.

17:00. Хорошо. 17:00.

Итак, имейте в виду, во-первых, крах схоластического подхода к проблеме универсалий. Это привело к отделению философии от теологии. Обратите внимание, как Фома Аквинский занимался философской теологией на протяжении всего своего пути и теологически ориентированной философией.

Теперь эти две области, кажется, распадаются, потому что исчезла метафизика, которая их связывала. Связующее звено пропало. И вместо того, чтобы философия руководствовалась теологией, в XVII и XVIII веках она начнет руководствоваться наукой.

Эти методы — методы науки. Модель, которую они используют, — это модель науки. Понимаете? И поэтому связь между откровением и разумом нарушается.

Вместо этого мы имеем дело с, нет, с концепцией разума, которая определяется в терминах научного знания. И идеал научного знания становится идеалом для современной философии. Он построен по образцу научных типов знания.

Хорошо. Теперь сделаем еще один-два шага. В дополнение к этим двум влияниям, давайте также отметим богатство эпохи Возрождения.

XV, XVI и XVII века стали своего рода эпохой Возрождения классической науки. Она была отчасти вызвана повторным открытием классических рукописей, что, в свою очередь, привело к Возрождению классической науки, а затем и к Возрождению различных направлений классической философии. Особенно сильное влияние она оказала на английское Возрождение, итальянское Возрождение, Платона и неоплатонизм.

Платон и неоплатонизм. Таким образом, хотя такие люди, как Бэкон, Гоббс и Локк, не хотят иметь ничего общего с платоновскими формами, все они отдают Платону должное. Поэтому, если в средневековье существовало своего рода соперничество между Платоном и Аристотелем, то теперь Аристотель приходит в упадок, а Платон — на вершину.

Конфликт, который возникает, скорее происходит между влиянием платоновских идей и влиянием эмпирической науки. И, очевидно, здесь присутствует напряжение. Таким образом, философия эпохи Возрождения подразумевает платонизм.

Это также означает стоицизм. Это также означает скептицизм. Среди заново открытых классических текстов были сочинения Секста Эмпирика, римского скептика.

Например, его изложение пирронизма. Таким образом, пирронический скептицизм приобретает новое направление, и это понятно не только из-за переоткрытия текстов, но и потому, что с распадом средневекового синтеза рушились и старые эпистемологии. Понимаете? Да, если томистская эпистемология заключается в абстрагировании форм от частных случаев и аналогичном мышлении об иерархии бытия и тому подобном, и вы больше не говорите о формах в иерархии бытия, то какой смысл в аристотелевской эпистемологии? В любом случае, как мы уже упоминали, логика Скотуса и Оккама в большей степени ориентирована на диалектическую критику взглядов других людей.

Затем, в направлении систематического развития силлогистических доказательств того или иного, как это было у Аристотеля и Фомы Аквинского. И это не только изменение мировоззрения, но и кризис самого понятия рациональности и знания. И скептицизм — это естественная вероятность таких поворотных моментов, и я хочу вернуться к этому чуть позже.

Итак, не забывайте о Ренессансе, но параллельно с ним происходила протестантская Реформация. И это само по себе увлекательная история — взаимоотношения протестантских реформаторов с философией своего времени. И из всего этого, я думаю, самым интересным, хотя, возможно, и одним из самых ошибочных, является Мартин Лютер.

Очень интересно. Мартин Лютер получил образование в немецком университете в Эрфурте у номиналистов, придерживавшихся оккамистских взглядов. Он был знаком с трудами Оккама.

А на одном из этапов, относительно рано, он назвал Оккама «моим дорогим учителем». Интересно, правда? Ах да, он ещё изучал Аристотеля и схоластиков в школе, и в первые годы своей преподавательской деятельности ему приходилось преподавать этику Аристотеля. Ненавидел эту работу.

Позже наступил этап, когда он выступал за исключение Аристотеля из университетской программы, за исключением логики и риторики. Особые

трудности, которые у него возникали с Аристотелем, касались именно теории универсалий, поскольку он был номиналистом.

Почему его привлекал номинализм, помимо того факта, что он учился у номиналистов, что обычно и является причиной влечения людей к чему-либо? Почему его привлекал номинализм? Потому что он разделял ревностное уважение Оккама к суверенитету Бога. Волюнтаризм.

Волюнтаризм. И поэтому его волновало положение отдельного человека перед Богом. В этом и заключается сама суть оправдания Мартина Лютера одной лишь верой.

Индивид, посредством акта воли, участвует в этом процессе. Но он также не соглашался с Оккамом по вопросу свободы воли. Возможно, это связано с некоторыми из его последователей-номиналистов, которые придерживались более радикальных взглядов.

Часто люди страдают от рук своих друзей больше, чем от рук врагов. В результате этого Оккама обвиняли в пелагианстве в его богословии. Пелагий, как вы, возможно, помните, был британским монахом в IV веке, который подчеркивал важность свободы воли до такой степени, что считал необходимым отрицать любые первородные грехи, которые держат нас в рабстве.

И утверждалось, что мы совершенно свободны повиноваться Богу просто в силу влияния примера Христа в его жизни и страданиях. Однако тогда, в IV, V веках и так далее, Августин и другие сопротивлялись и отвергали пелагианство, так что к Лютеру оно уже было признано еретическим, и он обвинил Оккама в ереси пелагианства. Почему же? Вот в чём интересный момент.

Видите ли, Оккам, исходя из средневекового акцента на подражании всего творения Богу и любви к Богу, предположил, что любовь к Богу является необходимым условием спасения. Но любовь к Богу — это добродетель. Добродетель — это привычка, если говорить аристотелевским языком.

Привычка, которая формируется благодаря жизни под властью разума. Если это так, то разум необходим для любви, которая необходима для спасения, следовательно, разум необходим для спасения. Понимаете диалектическую критику? Но Божья благодать прощает нас даром.

Разум не имеет никакого отношения к спасению. Божья благодать не готовит нас к тому, чтобы мы заслужили спасение своей любовью к Богу, как, кажется, предполагают оккамисты. Скорее, Божья благодать — это свободное прощение.

Именно из-за вопроса о спасении только по благодати, оправдании только по вере, Лютер стал так критически относиться к оккамистам. Поэтому его отношение к Оккаму и оккамизму было своего рода противоречивым, смешанным. С философской точки зрения, он любил оккамизм, но ему не нравилась крайность, до которой дошел волюнтаризм, из-за его влияния на оправдание верой.

Что ж, Лютер — интересный человек, очень интересный. Джон Кальвин написал раннюю работу о римском поэте Сенеке в стоической традиции. И, конечно же, Кальвин был юристом по образованию, поэтому он был очень увлечен стоической юриспруденцией, стоическим естественным правом, и он говорит о естественном праве в стоической традиции, когда речь идет об этике.

Интересно то, что Лютер рассматривает естественное право в связи с правильным разумом, подобно Оккаму, тогда как Кальвин считает естественное право неизменным и непреходящим во всем мире, как стоики. Потому что у стоиков была метафизическая основа для морального порядка, отличная от аристотелевской. Эразм был скорее платоником.

Меланхтон оставался приверженцем аристотелизма. Поэтому картина довольно интересная. Но есть тезис о влиянии Реформации на философию, на котором я хотел бы сосредоточиться в частности.

Это тезис, разработанный Ричардом Попкиным. Ричардом Попкиным. В его книге о скептицизме от Эразма до Декарта.

Ричард Попкин. Я сказал Попкин? Я сказал Попкин. Питкин? Нет, звучит неправильно.

Думаю, Попкин прав. Я понял, что у меня в заметках был Питкин, и я сказал Попкин. И, вероятно, я сказал Попкин, потому что знал, что Попкин прав, а Питкин ошибается.

Итак, извините, уже в третий раз. Да, Ричард Попкин. Скептицизм от Эразма до Декарта.

Он доказывает, что эпистемологический вакуум был не просто образовавшимся вакуумом, а разрушением средневекового синтеза. Это разрушение также было вызвано утратой авторитетного толкователя в церковной власти. Другими словами, протестантская Реформация, настаивая на принципе *scriptura sola*, то есть на том, что только Писание обладает авторитетом, отвергла авторитет церкви как в толковании Писания, так и в высказываниях по вопросам, о которых Писание не говорит.

Таким образом, возникла неопределенность относительно того, как мы познаем мир. Появился страх перед интеллектуальной анархией, связанной с идеей священства верующих, где каждый толкует Писание самостоятельно. И существовала реальная вероятность, как считали люди, утраты всякого ясного понимания или знания.

По словам Попкина, именно это и способствовало росту скептицизма. Рост скептицизма представлен французским философом Монтенем, которого Уиллард вскользь упомянул в среду, и это очевидно в начале философии Декарта, поскольку, как вы помните, Декарт в своих размышлениях и рассуждениях о методе решает начать с изложения скептической позиции. Нет ничего, что мы могли бы знать без сомнения.

И он ставит перед собой задачу доказать свою правоту, преодолев скептицизм. Но зачем это делать, если скептицизм не является угрозой, нависшей над всеми ними? И в этом смысле радикальное методологическое изменение, произошедшее в философии с Декартом, когда вместо того, чтобы начинать с того, во что вы уже верите, и обдумывать это, вы начинаете с нуля и постепенно преодолеваете это, — это радикальное методологическое изменение, влияние скептицизма, было вызвано интеллектуальным вакуумом, оставшимся после краха не только средневековой схоластики, но и церковного авторитета в эпоху Реформации.

Это интересная теория, и я думаю, она верна с точки зрения того, что беспокоило людей на том этапе истории. И вот мы с ней вступаем в современную эпоху. А что же заполняет этот эпистемологический вакуум, чтобы спасти положение? Вот в чём интерес.

В понедельник вы будете читать Фрэнсиса Бэкона, не так ли? Вы обнаружите, что Фрэнсис Бэкон говорит о некоторых идолах. Интересный термин, когда речь идёт о неправильных способах мышления.

Он говорит о некоторых кумирах, к которым относится скептически. К ним относятся традиционные философские учения, передаваемые из поколения в поколение. В их число входят наивные наблюдения, популярные взгляды и идеи, навязываемые посредством неправильного использования языка.

Иными словами, он ставит именно те проблемы, которыми занимался скептицизм. Как мы сможем узнать наверняка? И Бэкон предлагает методы. Методы эмпирического обучения, индуктивного сбора доказательств и формулирования выводов о причинах.

А Бэкон в своем елизаветинском утопизме представляет себе великолепное утопическое общество, построенное на новой эмпирической механистической науке об эффективных причинах. Да. Увлекательно.

Тем временем на континенте, и это примерно 1600 год в обоих случаях, Декарт начинает свои размышления, свой трактат о методе, с изложения скептической проблемы, а затем переходит к следующему этапу. Как он из этого выходит? Математические методы, методы континентальной науки, в частности оптики, которая использовала простую геометрию. Что такое метод геометрического рассуждения? Начните с основных аксиом, а затем переходите к доказательствам.

Это метод Декарта. Таким образом, для избежания скептицизма предлагаются два альтернативных метода: метод эмпирической науки и метод математики.

Какой способ познания заменит средневековые идеи, почерпнутые из теологии, которые направляли философское мышление? Каким будет господство разума в эпоху Просвещения, если не господством научных методов и знаний? И вот, если вкратце, что породило научное мышление XIX и XX веков и научный натурализм наших дней. Я не хочу сваливать всю вину на Ахен. И не советую вам этого делать.

Нет, Оккам понятия не имел, к чему всё это приведёт. Его волновало другое. Но это интригующая история, и мы начнём её в следующий раз.